

ЧЭНЬ 9НЬ

ДЕ
КОРА
ТОР

装台

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Москва
2023

УДК 82-3(510)
ББК 84-44(5Кит)
Ч978

*Права на издание данной книги предоставлены
ООО «Генеральное издательство Шэньсийского
педагогического университета»*

Чэнь Янь

Ч978 Декоратор. Иллюстрированное издание. — [пер. с кит.
Н. В. Кулаев, А. С. Варфоломеева]. — М.: «Издание книг ком»,
2023. — 608 с., ил.

ISBN 978-5-907733-08-4

«Декоратор» — один из романов трилогии Чэнь Яня. Главный герой этого рассказа — Дяо Шуньцзы, семья которого живёт в городе Сицзин на протяжении нескольких поколений. Благодаря своей готовности много работать, доброму характеру и житейской находчивости, Шуньцзы собирает вокруг себя бригаду декораторов. В рассказе есть две основные сюжетные линии: первая — это работа Дяо Шуньцзы как декоратора, и вторая — семейные проблемы Дяо Шуньцзы, с которыми ему приходится сталкиваться каждый день. Персонажи рассказа изображены детально и живо, а их истории изменчивы и непостоянны. Автор рассказа описывает взлеты и падения в жизни обычного декоратора в городе Сицзин.

В трилогию Чэнь Яня также входят роман «Главный герой» в двух томах и сборник «Рассказы из Сицзина».

УДК 82-3(510)
ББК 84-44(5Кит)

ISBN 978-5-907733-08-4

© Чэнь Янь, 2023
© ООО «Генеральное издательство
Шэньсийского педагогического
университета», 2023

1

В последние дни было много работы по подготовке сцены для драматической труппы, но Шуньцзы все же умудрился выкроить время, чтобы жениться в третий раз.

На самом деле он не очень-то и хотел брать в жены эту женщину, но его как будто черт дёргал, словно на этой женитьбе свет клином сошёлся.

Полистав книгу по фен-шую, Шуньцзы выбрал подходящий день, сел в такси и привёз к себе в дом очередную жену.

Узнав о новоявленной жене, его старшая дочь Цзюйхуа в первый же день устроила скандал. Со второго этажа дома неслись потоки брани. От негодования она перевернула горшок с золотистой хризантемой, да так, что весь внутренний дворик был усыпан землёй и осколками разбитой посуды. Хромая собака вскочила от испуга и, заливаясь лаем, пулей вбежала в дом в поисках Шуньцзы, своего единственного защитника.

В это время третья жена Шуньцзы, справляя малую нужду, сидела на корточках в туалете в углу двора. Осколок глиняного горшка влетел через занавеску и, задев голень, чуть не попал в причинное место. От испуга Цай Суфэнь спешно натянула штаны, выбежала на улицу и проскользнула вдоль стены обратно в дом.

Хромая собака, дрожа от страха, прижалась задом к ногам своего хозяина и, вытянув голову вперёд, громко тьякала. Её сломанная лапа слегка касаясь пола, то и дело судорожно

подёргивалась. Цай Суфэнь, спотыкаясь, вбежала в дом и усталилась на Шуньцзы в надежде, что тот проявит строгость. Ей и в голову не могло прийти, что Шуньцзы пробормочет только одну-единственную фразу:

— Распустилась донельзя, чертовка!

Цзюйхуа бранилась без умолку весь день, а Цай Суфэнь все ещё не теряла надежды, что Шуньцзы хоть как-то повлияет на свою дочь. Но тот боялся даже подняться на второй этаж и, лишь надувшись, бормотал себе под нос одно и то же:

— Чертовка, чтоб тебя!

И Цай Суфэнь не могла ничего сказать, так как переезд к мужу был её инициативой. Шуньцзы долго не решался привести её к себе в дом, и это решение далось ему нелегко. Но кто бы мог подумать, что Дяо Цзюйхуа окажется настолько несносной. Уже в первый день стало понятно, что жизнь Суфэнь в этом доме будет невыносимой.

Она зарылась с головой в одеяло и принялась рыдать, а Шуньцзы пристроился у кровати, чтобы приласкать и успокоить её. Он очистил банан и попытался просунуть его кончик рот Цай Суфэнь. Отмахнувшись, она выбила половину банана у него из рук. Шуньцзы поднял с подушки отлетевший кусок и съел.

Шуньцзы не был одарён красноречием и, успокаивая свою новую супругу, повторял одну и ту же фразу:

— Дочь рано или поздно выйдет замуж. Надо потерпеть! Ты же пришла со мной жить, а не с ней. Чего тут бояться? Дела-то житейские. Стерпится — слюбится!

Эти слова возымели своё действие, Цай Суфэнь мало-помалу перестала плакать, прикрыла накидкой для подушки покрасневшие от слез глаза, оставив снаружи нос и рот, чтобы дышать. Шуньцзы очистил ещё один банан и медленно провёл им по её губам. Цай Суфэнь неожиданно открыла рот и откусила кусочек, слегка прикусив большой палец Шуньцзы.

— Ой-ой! — вскрикнул он, и Цай Суфэнь, воспользовавшись этим моментом, затащила его в кровать.

Было девять часов вечера. Шуньцзы погасил свет.

Хромая собака, увидев, что хозяин рано погасил свет и начал возиться в кровати с женщиной, бросилась к ним и принялась лаять. Шуньцзы выругался:

— Неблагодарная скотина! Завидуй молча.

Эти слова рассмешили Цай Суфэнь, — она буквально захлебнулась от смеха.

Пока они наслаждались весельем, Цзюйхуа спустилась вниз. Сначала она сходила в туалет, а потом стала набирать воду, специально открыв кран на полную мощность так, что звук льющейся воды был похож на звуки разбушевавшейся стихии. Шуньцзы и Цай Суфэнь испуганно затаили дыхание и замерли в одной позе, не решаясь пошевелиться.

В момент, когда Цзюйхуа почти поднялась наверх, из её уст снова вылетела злобная фраза:

— Стоит только суке задрать хвост, как кобель сразу тащит её к себе в кровать. Тьфу, кобелина и потаскуха! — эта фраза, словно ядовитая стрела, влетела в комнату через окно и пронзила их сердца.

Однако, в этот раз Шуньцзы потерял всякое терпение. Выйдя из себя, он вскочил. В этот момент Цай Суфэнь обхватила его руками и со словами:

— Терпи! Нужно перетерпеть, — она прильнула лицом к его спине.

Выходка дочери сильно задела отцовское самолюбие, в голове у Шуньцзы крутилась только одна мысль:

— Неблагодарная чертовка! Такими словами ты отблагодарила родного отца за то, что он вырастил тебя?! Сейчас я покажу тебе, где раки зимуют...

Но Цай Суфэнь никак не давала ему отойти от кровати. Она крепко держала его за талию до тех пор, пока он, охая и тяжело вздыхая, снова не опустился на кровать.

В эту ночь Шуньцзы так и не смог больше пробудить в себе мужскую силу. Хромая собака, не наблюдая на кровати никакого движения, облизала сломанную лапу и улеглась спать.

Поздней ночью Цай Суфэнь внезапно проснулась от зуда по всему телу и разбудила Шуньцзы:

— В доме есть вши?

— Глупости, уже давно как нет. Раньше были.

— Ой-ой-ой! Как же нет. Они ползают по мне.

Шуньцзы включил свет. Муравьи, не один и не два... Черные луговые муравьи. Все примерно одного размера и толщиной со свиную щетину. Поодиночке их трудно заметить, но когда они действуют сообща, то похожи на безбрежный поток или на многочисленную армию. Шуньцзы проследил за направлением движения муравьёв и сказал:

— Муравьи переселяются. В нашей деревне это не редкость. В детстве я часто наблюдал, как муравьи переходят с места на место.

Заметив, что муравьи проползают через щель под дверь, он открыл её, чтобы посмотреть всю картину. И впрямь, в лунном свете большая чёрная армия вереницей двигалась от восточной стены двора до его дома, далее пересекала его дом и исчезала в узкой дыре противоположной стены. Большинство из этих маленьких негодников бежало вперёд, неся на себе что-то громоздкое и тяжёлое. А эти, забежавшие в спальню, вероятно, были в разведке и намеревались здесь что-то найти для себя, либо или просто заблудились.

— Что делать? — спросила Суфэнь.

— Пусть они спокойно переселяются, а мы будем спать. Думаю, к рассвету их уже здесь не будет.

Шуньцзы поднял одеяло и стряхнул с него ночных гостей. Суфэнь начала топтать упавших на пол муравьев.

— Стой! Не топчи, деловито сказал Шуньцзы, и взяв веник, он замёл муравьёв в совок и осторожно высыпал их рядом с колонной отряда идущих вперёд собратьев.

— Ха! Ты, наверное, ещё и постишься и молишься Будде? — усмехнулась Суфэнь, глядя на его гуманные действия.

— Ай! Все существа в этом мире одинаковые, все выбиваются из сил ради куска хлеба.

К утру, действительно, могучая армия муравьёв уже исчезла, оставив на своём пути рисовые зерна, личинки и трупники насекомых, — конечно же, не обошлось и без жертв. Оставшиеся солдаты сновали туда-сюда, заканчивая свои жизни под ногами людей. Шуньцзы по неосторожности тоже наступил на нескольких бедолаг.

— Ты раздавил муравьишек, — из-за спины заметила Суфэнь.

— Значит, это их судьба. Я не нарочно, — закончил разговор Шуньцзы.

2

Шуньцзы пробыл дома одни сутки, и, уже на второй день нового супружества, отправился в театр устанавливать декорации. К его приходу на сцене уже было более десятка парней. Все они лениво разбрелись за кулисами и, подпирая дверные проёмы, чесали языками.

— Шуньцзы сегодня точно не сможет подняться с постели. К гадалке не ходи, эта Цай Суфэнь высушила его до последней капли, — успел произнести Дадяо.

В направлении к ним шёл удручённый и сгорбленный Шуньцзы. Он никогда не отличался особой статностью. При ходьбе его плоская голова всегда немного наклонялась вперёд, а кривые ноги напоминали камеры автомобильной шины. Сегодня Шуньцзы волочил их так, будто эти камеры сильно спустили, что вызывало у окружающих смех.

— Плохо дело, похоже у Шуньцзы в котомке все яйца побиты! — первым брякнул Хоуцзы.

А самый молодой Дуньцзы, прищутив свои пороссячи глазки, продолжил:

— Шуньцзы уже за пятьдесят, а все туда же, жизнь не дорога, вот и женился в третий раз.

— Что ты понимаешь в колбасных обрезках, раньше богатые мужчины женились по несколько раз. Чем больше было жён, тем больше здоровья. Шуньцзы берет пример со своего деда, у которого была не одна жена... — Дадяо не успел договорить, как к ним подошёл Шуньцзы.

— Собачьи отпрыски, кости мне перебиваете?

— Говорим, что у тебя твёрдое алмазное сверло, можешь работать с хрупким фарфором, — ответил Дадяо.

Все громко засмеялись, а развалившийся на реквизитном императорском троне Хоуцзы добавил: — Говорим, что у тебя ноги уже ватные, а с мужской силой до сих пор все в порядке, уже третья жена.

Шуньцзы пнул его по пятой точке.

— Неудивительно, ведь как свинья соловьём петь не может, так и от тебя не дождёшься хорошего словца. Ты посмотри, который сейчас час... Вы что, без меня не могли начать работу? Рано утром звонил заведующий Цюй-туань и сказал, что бы сцена была подготовлена к вечеру, так как завтра важный приёмный концерт.

— Спешим как на пожар. Дрянь дело! Двое суток подряд устанавливали декорации для драматической труппы, а сегодня опять всю ночь надо будет готовить сцену для театра циньских арий. Уже несколько дней не высыпаясь, так и загнуться недолго.

— Хоуцзы, хватит подрывать моральный дух в коллективе. Мы живём декорациями. Если не хочешь проводить ночи без сна, положи зубы на полку и питайся святым духом. Пора за работу! Быстро, на сцену, — распорядился Шуньцзы, направляясь первым.

— Тогда на обед каждому положено добавить ещё по одной куриной ножке, — проворчал Хоуцзы.

— Может тебе ещё один хрен на лоб приделать? — выругался Шуньцзы и стал раздавать указания:

— Дуньцзы, вы развесьте твёрдые и мягкие декорации на игровой площадке. Дадяо, вы вчетвером установите освеще-

щение. Заведующий Цюй-туань попросил установить большой подвесной фонарь, шестьдесят четыре компьютерных и сто двадцать фонарей заднего плана. Короче, весь привезённый из Пекина набор установите, как указано в требованиях.

— За такое короткое время сто процентов не успеем, — проворчал Дадяо и с силой пнул один из световых коробов.

— Кровь из носу, а надо сделать, — резко ответил Шуньцзы. — За точное выполнение заказа он нам побольше заплатит. Хоуцзы, поднимай подвес!

Закончив с разговорами, Шуньцзы взвалил себе на спину световой короб и потащил его к установочному слоту. Вес этого короба был не меньше пятидесяти килограммов. Ноги Шуньцзы заметно дрожали, но он упорно тащил свою ношу. И все, что-то бормоча себе под нос, вслед за ним, тоже принялись за работу.

Шуньцзы руководил десятком подчинённых, но никто никогда не называл его начальником. У него была любимая присказка: «Кто не работает, тот не ест. Мы работяги, кто не против нас, тот с нами».

Декорация сцен — это относительно новая отрасль, и, по мнению Шуньцзы, это одна из самых сложных профессий в мире, наряду с земледелием, ремеслом и торговлей. Репетиции обычно проводятся в дневное время, а сцена должна быть готова уже вечером, за день до начала работы актёров, поэтому приходится работать по ночам. Днём тоже не удаётся отдохнуть, потому что нужно то и дело прислуживать режиссёрам.

Как правило, люди этой профессии через одного все сквернословы. Обругать кого-нибудь для них также просто, как «дважды два». Даже женщины-режиссёры не исключение. Такие же беспринципные, и что ни слово, то мат-перемат, а вдобавок ещё нагрядят тебя «средним пальцем». Хотя все изъясняются исключительно на литературном языке. Многие декораторы, помимо тяжёлого физического труда, не могут вынести оскорблений в свой адрес, поэтому, поработав

немного, начинают искать другую работу. Однако Шуныцзы не бросил это дело и сумел заслужить авторитет.

Теперь почти все театральные труппы в Западной столице по вопросам разгрузки, загрузки и установки декораций обращаются к Шуныцзы, другие просто не выдерживают конкуренции. Когда вокруг Шуныцзы образовалась группа соратников, ему посоветовали зарегистрировать что-то вроде культурной компании. Он ходил в органы промышленности и торговли и оформил лицензию на предпринимательскую деятельность, но никогда ни от кого не требовал называть себя начальником. Если же кто-то называл его подобным словом, он обижался, так как всегда считал себя простым работягой.

У Шуныцзы не было подчинённых среднего звена, только пара верных помощников и несколько бригад, отвечающих за освещение, твёрдые и мягкие декорации. В основном работали все вместе без соблюдения особой субординации. Во всяком случае, Шуныцзы не брезговал никакой работой, подавая пример остальным. Жалование делили открыто, каждый точно знал сколько денег заплатила театральная труппа. Заказы получали благодаря его репутации, поэтому никого не возмущало, что Шуныцзы мог получать немного больше остальных. К тому же Шуныцзы не был жадным, — если богатеть, так всем вместе считал он, поэтому его сотрудники работали с ним ни один год.

Все настолько хорошо знали свою работу, что понимали друг друга без слов, одного взгляда хватало, чтобы понять кому нужны плоскогубцы, а кому молоток, где нужен верхний подвес, а где нижний. Директор труппы Цзюй постоянно подмечал:

— У Шуныцзы в бригаде, что ни работник, то мастер-декоратор высокого класса, не то что дармоеды из нашей труппы, только и знают, как на работе штаны просиживать.

Шуныцзы, боясь вызвать недружелюбие у работников труппы, спешил разрядить обстановку словами:

— Мы простые работяги. Всему, что умеем, нас научили учителя из труппы. Но, как ни крути, все достигается исключительно собственным трудом.

Заведующий Цюй-туань с усмешкой говорил:

— Шуньцзы, шельма. Первый плут среди плутов.

На что Шуньцзы с улыбкой отвечал:

— Работяга, простой работяга.

Только повесили несколько мягких декораций и ещё не успели разместить свет, как на площадке появился заведующий Цюй-туань, не зря же говорится: «Начальник не верит, пока не проверит».

Большинство руководителей театральных трупп выглядят как меланхолики, вылитые козлы отпущения. Но заведующий Цюй-туань был исключением, никто не позволял себе фривольного поведения в его присутствии, и, более того, Шуньцзы никогда не слышал, чтобы кто-то отзывался о нем нелестно даже за его спиной. Его считали человеком, легко меняющим свои взгляды под влиянием чужих слухов. Поэтому в его труппе было много так называемых «господ», строптивых главных актрис и актёров, именуемых в профессиональной среде «лицедеями». С ними не мог справиться не только заведующий Цюй-туань, — такие персонажи не по зубам ни одному руководителю труппы.

Заведующий Цюй-туань был композитором, музыку для спектаклей своей труппы он писал сам. Поговаривали, что за одно оперное произведение, написанное им для другого театра, он мог бы заработать от двухсот до трёхсот тысяч юаней. Но, став директором труппы, он больше не брал сторонних заказов и писал только для своего театра. Более того, он не брал с труппы никаких гонораров, отчасти за это и уважали его.

У членов труппы было принято опускать слово «чжан» (директор, начальник) в названии руководящих должностей. Например, Лю кэчжан (директор отделения Лю) сокращён — Лю-кэ, или Нань дуйчжан (начальник бригады Нань) —

Нань-дуй, или Чжао гучжан (начальник подотдела Чжао) именовался как Чжао-гу. Цюй туаньчжан (директор труппы Цюй), разумеется, также называли Цюй-туань. Казалось, что так все были равны, даже близки друг другу и Шуньцзы, по примеру других, называл его Цюй-туань.

Цюй-туань предъявлял строгие требования к искусству. Несмотря на то, что он носил очки и имел внешность интеллигента, в моменты гнева мог крепко выругаться матом. Однажды Шуньцзы своими глазами видел, как тот от злости швырнул на пол микрофон. Однако чаще всего Цюй-туань был в хорошем расположении духа и выглядел весьма спокойным. Шуньцзы водил с ним дружбу уже много лет. В первый раз они встретились, когда Цюй-туань только вступил в свою должность. В то время труппа собиралась выступить на юге с двумя пьесами: «Путешествие по Западному озеру» и «Чжоу Жэнь вернулся в Дом (на Родину)». Оба этих произведения были старыми пьесами, которые ставились уже много лет, и именно поэтому отношение к ним было несколько небрежным, и сценическое освещение и декорации также были сделаны через пень-колоду. Организаторы выступления несколько раз приезжали для предварительного просмотра программы и, опасаясь, что выступление будет провалено, неоднократно просили труппу поработать над качеством. Тогда Цюй-туань только вступил в должность, обстановка внутри коллектива для него была ещё непонятной и работы было «непочатый край». Некоторые, не скрывая злорадства, ждали момента, когда он опростоволосится.

В тот день Шуньцзы подошёл к Цюй-туаню, и, пока никого не было рядом, прямо сказал:

— Цюй-туань, боюсь, на этот раз мне придётся поехать с вами.

— Тебе? Зачем?

Шуньцзы казалось, что Цюй-туань уже был наслышан про его репутацию, не говоря уже о том, что в эти дни он работал

сверхурочно, лично присутствовал на всех репетициях и специально ходил кругами перед носом у Цюй-туаня. К удивлению, тот даже не заметил его, что уж и говорить о достойной оценке его работы. Это немного разочаровало Шуньцзы. Он немного рассказал о себе и в конце особо подчеркнул:

— Это очень важное выступление. Вы только вступили в должность. Посмотрите на труппу, в ней полный разброд. Все, как лебедь, рак и щука. Того и гляди, натворят беды на вечернем выступлении. Если я не поеду, кто поможет вам на сцене и внизу? Боюсь, даже простые декорации не смогут без меня установить.

Цюй-туань искоса посмотрел на него и неодобрительно произнёс:

— В труппе более тридцати оформителей сцены, зачем мне твоя помощь? Займись своим делом.

Только по возвращении домой после выступления, измученный процессами установки и демонтажа сцены, а так же несколькими неприятными инцидентами с освещением, когда зрители подняли выступление на смех, Цюй-туань понял всю сложность проблем в бригаде декораторов. С того раза Цюй-туань хорошо запомнил Шуньцзы, мало-помалу они сблизились и стали друзьями. Члены труппы называли Шуньцзы любимчиком Цюй-туаня, на что тот, как всегда, отвечал излюбленной фразой: «Какой я любимчик? Я простой работяга».

Появившись на площадке, Цюй-туань тотчас же окрикнул Шуньцзы:

— Эй! Шуньцзы, а ну-ка, поддайте жару, вечером придёт осветитель настраивать свет, а завтра в восемь утра артисты и музыканты должны подняться на сцену. Не успеем, спрос с тебя!

Шуньцзы спустился со световой башни, весь в пыли, с паутиной в волосах. Хлопнул в ладоши, сбивая пыль с рук, вытер лицо и сказал:

— Цюй-туань, ты же видишь, братцы трудятся в поте лица, даже пукнуть некогда.

— Не трепись, как связаны кишечные газы и работа?

— Хе-хе, это аллегория такая. Сегодня работы действительно чересчур много. Смотрите, больше двадцати ламп интеллектуального освещения, около сорока отражателей, все они неместные, нужно собирать по болтикам. Товарищи на меня обозлились, говорят, со мной работать, что горя задарма хлебать.

— Что это значит? — с непонимающим видом переспросил Цюй-туань.

— Хе-хе, значит, что бесплатно, — с улыбкой ответил Шуньцзы.

— Шуньцзы, ты давай без выкрутасов.

Было понятно, что Цюй-туань стал выходить из себя. Шуньцзы поспешил разрядить обстановку:

— Я без всякой задней мысли. Язык без костей. Куда уж мне, простому работяге.

— Я слышал, что администрация за эту работу пообещала тебе надбавку, — с улыбкой добавил Цюй-туань.

— Добавили-то всего тыщёнку! Так из-за этого все на меня взъелись.

Цюй-туань тут же спросил:

— Ай, кто же это позволил себе материться на своего босса Шуньцзы?

Хоуцзы спешно поднял руку:

— Я.

— И я тоже, — следом поднял руку Дуньцзы. Все рассмеялись.

— Посмотрите на них, ну как с такими работать. Только о деньгах и думают, разве можно от таких ждать бескорыстия и преданности, — продолжил Шуньцзы.

— Послушай, Шуньцзы! Завтра вечером будет благотворительный спектакль, мы не заработаем ни копейки. Даже не знаю, чем компенсировать выступление труппы. Администрация добавила тебе тысячу — уже небывалое чудо. Знай меру! Быстрее за работу, — распорядился Цюй-туань и собиравшись уходить, как вдруг Шуньцзы обратился к нему:

— Цюй-туань, все знают, что вы никогда и никому не позволяете помыкать работягами. Пёс с ней, с этой надбавкой, просто добавьте в обед каждому по куриной ножке. У хорошего полководца должна быть сытая армия.

— Ну, и плут же ты, Шуньцзы! Ладно, на обед каждому по куриной ножке, по два куриных крылышка и пачке молока вдобавок. Но если работа не будет выполнена вовремя, Шуньцзы... то администрация вычтет убытки из твоей зарплаты.

— Будьте спокойны, Цюй-туань. Не ударим в грязь лицом.

Цюй-туань ушёл. Дуньцзы первым захлопал в ладоши и сказал:

— Босс, пусть они вечером ещё и по булке с сосиской к пиву каждому добавят.

— Сосиску тебе между булок добавить, — с улыбкой ответил Шуньцзы.

Пока они перебрасывались шуточками, у Шуньцзы зазвонил телефон, это был звонок от Цай Суфэнь. Она ничего не говорила, просто рыдала в трубку. Разговорить её не получалось, она все больше и больше заливалась слезами. Шуньцзы предположил, что Цай Суфэнь наверняка сцепилась с его дочерью Дяо Цзюйхуа. Как бы там ни было, ему все равно нужно было вернуться домой, чтобы понять в чем дело. Оставив Дадяо за старшего, он поспешно покинул артистическое фойе.

3

Шуньцзы жил неподалёку от театральной площадки, в десяти минутах езды на велорикше, на улице Шаньи. На этой улице жило много представителей литературно-художественной группы провинции и города. Возможно, именно поэтому Шуньцзы выбрал профессию декоратора сцены.

Его можно было считать коренным жителем этой улицы. Говорят, в пятидесятых здесь находилось место для расстрелов.

Повсюду были разбросаны безымянные захоронения. Несколько деятелей искусства, демобилизовавшись из армии Яньань, обосновались в этих местах и построили здесь дома. Так постепенно образовалась улица Шаньи. В то время предки Шуньцзы были знатной и влиятельной семьёй, живущей внутри городских стен.

Рассказывали, что во время освобождения Западной столицы его прадед был задержан за укрывательство членов Гоминьдана и расстрелян. В то время никто не решился забрать его тело, и он похоронен где-то среди этих могил. Все имущество было конфисковано, а семья покинула город и занялась земледелием. Дед Шуньцзы оказался смекалистым торговцем, занимался перепродажей овощей и заработал на этом небольшое состояние. После смерти он оставил своему сыну несколько десятков тысяч. Деньги не лежали в банке, а были аккуратно завернуты в клеёнку и хорошо спрятаны под половицами в уборной. Сам же он жил в бедности как последний нищий. В начале реформ и открытости, первым человеком, построившим на улице Шаньи небольшой особняк в западном стиле, стал отец Шуньцзы. У него было трое сыновей, самым младшим из них был Шуньцзы. Ещё при жизни отца, находясь в его доме, старшие сыновья начали вести разгульный образ жизни. Первый увлёкся азартными играми, а второй пристрастился к опиуму. Дяо Дацзюнь, старший из братьев, играл постоянно. Азартные игры стали его основным делом. Он играл более 30 лет и в этом ремесле, в буквальном смысле, знал все ходы и выходы. Но каким бы профи он ни был, все равно проигрался до нитки и даже жену увели за долги. Этот период своей жизни Дяо Дацзюнь называл «революционным периодом отлива». Он снимал комнатку в ветхом здании многоквартирного дома, рядом с которым даже не было уличных фонарей. Дяо Дацзюнь ночевал здесь раз в пару недель, а все остальное время проводил в игорных домах Западной столицы. Поговаривают, что однажды коллекторы вывезли его в уезд Чаньань,

чтобы за долги живо закопать в землю. Однако, спустя десять лет, в жизни Дяо Дацзюня наступил «революционный период прилива». Нежданно-негаданно ему улыбнулась фортуна, не было ни одного игорного дома, где бы он не набил свои карманы. Это продолжалось до тех пор, пока по причине его удачливости с ним не перестали играть. Позже он уехал в Макао и стал «профессиональным игроком».

Нынешняя недвижимость Шуньцзы была куплена чуть более десяти лет назад. В то время он все ещё продавал овощи, вставал в три часа ночи каждый день и на велорикше уезжал из города на огороды, чтобы купить свежие корнеплоды по низким ценам и продать их на улице Шанъи по более высоким. Видя, как старшие братья разоряют родное имение, на вырученные от перепродажи овощей деньги он предусмотрительно купил себе собственный дом. Это был небольшой двухэтажный коттедж. В то время он стоил очень дёшево, фасада не было, а окрестности загоразивали другие постройки. Шуньцзы планировал надстроить ещё один или два этажа, но его опередили соседи — они надстроили свои дома раньше его. Теперь его дополнительная надстройка загородила бы окна или балконы соседних домов, а у него не было времени и денег, чтобы заниматься борьбой за жилое пространство, поэтому он оставил эту затею.

Сейчас на втором этаже жили две его дочери: старшая — Цзюйхуа и младшая — Ханьмэй. Старшая дочь была от первой жены, а младшая — приёмная от второго брака.

В прошлом году Ханьмэй поступила в училище в городе Шанло и, кроме как на каникулах, дома не появлялась. Поэтому наверху постоянно жила только старшая дочь Цзюйхуа.

Ей было почти тридцать лет, но она никак не могла выйти замуж. И тому были, как минимум, две причины.

Во-первых, выглядела она «не ахти»: лицо её было плоским и некрасивым. Несколько раз она делала пластику, но все по мелочи, ведь острый лоб было не расширить, а короткий подбородок не вытянуть. Всё было без толку, напрасная трата денег.

Во-вторых, у неё был очень скверный характер. И если раньше она ещё как-то ладила с людьми, то в последние годы она словно с цепи сорвалась, — то дома посуду бьёт, то на людях матом ругается, а главное, даже родного отца ни во что не ставит, что уж говорить о посторонних людях.

С учётом сложности характера старшей дочери и понимая будущие вероятные проблемы, связанные с приходом в дом новой жены, собравшись жениться в третий раз, вдовец Шуньцзы заранее завёл разговор с дочерью о своей женитьбе на Цай Суфэнь.

В тот день Цзюйхуа попросила у него денег на покупку нового телефона. Сначала он не хотел давать, — зачем покупать новый, если со старым телефоном было все в порядке. Но она настаивала, говоря, что сейчас в моде Айфон, а её старый телефон уже «отстойный» и никуда не годится. Шуньцзы хотел было возразить, но поскольку ему предстоял серьёзный разговор с дочерью о женитьбе, он решил не накалять обстановку, и нехотя дал ей несколько тысяч юаней. И, пользуясь моментом, поведал ей о Цай Суфэнь.

Уставившись на него, Цзюйхуа грубо спросила:

— Ты больной?

От такого грубого вопроса Шуньцзы потерял дар речи и не знал, что ответить. Благо, Цзюйхуа сама продолжила:

— Ай, да мне все равно сколько у тебя жён, пусть даже будет десять, если сможешь прокормить такую ораву и меня.

Больше он не услышал от неё ни слова.

Суфэнь же, став его супругой, не переставала торопить его с решением. И он, с грехом пополам, привёл её в дом. И кто бы мог подумать, что именно это его решение станет началом самого настоящего светопреставления! Всю первую ночь им не было покоя. Страшно было даже подумать, какая заварушка ждала его сегодня.

Остановившись около ворот дома, он долго не мог слезть со своей велорикши, ноги от волнения стали просто ватными.

Шуньцзы осторожно открыл дверь ворот и увидел, что весь двор заполнен разбитыми цветочными горшками, посудой, бутылками и банками, сброшенными сверху. Даже гипсовая статуя голозадного Давида, которую так любила Цзюйхуа, разлетелась на кусочки, оставив после себя лишь неприкрытую часть, торчавшую из разбитого горшка с кактусами.

Войдя во двор, Шуньцзы услышал плач Цай Суфэнь и увидел в середине двора разбитую фарфоровую чашку, два яйца пашот и несколько мучных плетёнок, разлетевшихся по стономам. Он посмотрел наверх, — на втором этаже стояла тишина, дверь в комнату Цзюйхуа была закрыта.

Признаться, больше всего на свете он боялся своей старшей дочери. Трудно припомнить, с какого момента в его сердце зародился этот страх, но со временем он становился все сильнее и сильнее. Иногда, услышав звук падающих предметов на втором этаже, у него волосы на голове вставали дыбом. К счастью, он редко бывал дома — круглыми сутками он пропадал на работе, а место, призванное быть его домом, превратилось для него в постоянный двор, которым управляла его дочь Цзюйхуа.

Он осторожно открыл дверь в комнату и увидел на кровати рыдающую Цай Суфэнь. Подойдя ближе, заметил, что половина подушки была уже мокрой от слез. В углу комнаты, облизывая свою сломанную лапу, одиноко лежала собака. Увидев, что Шуньцзы вернулся, она, прихрамывая, подбежала к своему хозяину и радостно стала крутиться под ногами.

— Что случилось? — спросил Шуньцзы.

Суфэнь продолжала плакать, оставив вопрос без ответа. Шуньцзы сел рядом и обнял её, но она не унималась, продолжая горестно рыдать.

— Что случилось?

— Спроси у своей дочери, что случилось.

Шуньцзы не нашёл, что ответить, так как не знал, что учудила Цзюйхуа на этот раз. Вероятно, это было что-то, связанное с разбитыми предметами, миской и яйцами пашот,

валяющимися во дворе, и это «что-то» было из ряда вон выходящее, иначе Суфэнь не была бы так расстроена.

Перед тем, как привести Суфэнь домой, Шуньцзы заранее объяснил ей, что дочь его уже немолода, сидит дома, никто замуж не берет. Вот она и сходит с ума от одиночества, поэтому не следует обращать особого внимания на её выходки. Суфэнь тогда отнеслась к этому с пониманием, сказав, что раньше, когда она жила в своём родном доме, её отношения со свекровью и золовкой тоже были непростыми, однако она нашла с ними общий язык и заверила, что сумеет поладить и с его дочерью. Кто бы мог подумать, что её не хватит даже на одни сутки.

Внезапно Шуньцзы охватило острое чувство неуверенности.

— Что же произошло, в конце-то концов?

Шуньцзы подушкой вытер слезы с лица Суфэнь. Она разревалась вновь с удвоенной силой и, задыхаясь от слез, начала рассказывать:

— Твоя дочь... такая злая. Утром... я, по-дружески, взбила два яйца пашот и купила специально для неё две мучных плетёнки. Я... я... без всякой задней мысли поднялась наверх, чтобы угостить её. А она... она... с порога отправила меня куда подальше. А ещё сказала, что у меня... как у течной суки, бешенство матки...

От досады она не смогла продолжать и замолчала. Шуньцзы поспешно погладил Суфэнь по спине и сказал:

— Не бери в голову. Все, что она говорит — полнейший вздор. Вот дрянь. Не стоит с ней препираться, — и несколько раз злобно повторил, — вот же сволочь...

Суфэнь продолжала жаловаться:

— Я с ней... я не препиралась, просто поставила яйца на стол... Когда спустилась, она швырнула в меня миску... миска пролетела в сантиметре от моей головы... Она чуть... не убила меня...

— Вот же сволочь! — повторил Шуньцзы, но уже более высоким тоном, чем прежде.

— Я стерпела, ни слова ей не сказала. А она... назвала меня «гадиной», сказала, что я «шаболда и распутница»... а ещё, чтобы я катилась отсюда на все четыре стороны...

— Вот же сволочь! — Шуньцзы вскочил и гневно сбросил куртку.

Увидев, что Шуньцзы готов к решительным действиям, Цай Суфэнь угомонилась и уже кокетливо сказала:

— Я сама виновата, никто меня не заставлял быть с тобой, Дяо Шуньцзы. Смотри сам — если хочешь, я. ... я просто уйду, — сказав это, она высморкалась и сделала вид, что собирается встать.

Шуньцзы схватил Цай Суфэнь за руку. Казалось, что кровь в его жилах закипела:

— Останься. Я, её отец, сейчас покажу ей, где раки зимуют. Вот же какая сволочь! — Шуньцзы собрался подняться наверх, но Цай Суфэнь спокойно сказала:

— Её нет дома.

— А? Вот же сволочь! Вернётся я задам ей жару. Вот же сволочь! — последнюю фразу «вот же сволочь» Шуньцзы произнёс так громко, что если бы кто-то был наверху, то обязательно бы её услышал.

Суфэнь пробормотала себе под нос:

— Какой герой за закрытой дверью.

Шуньцзы ещё бы продолжал храбриться перед Суфэнь, но вдруг зазвонил телефон. Это был Дадяо. Он поторопил Шуньцзы, сказав, что на сцене его ждёт много дел и что Хоуцзы опять не работает, а висит на стропах и несёт всякую ахию. Выйдя из себя, Шуньцзы рывкнул в трубку:

— А если я сдохну, вы тогда вообще работать перестанете и по миру пойдёте?!

Дадяо снова что-то произнёс, от чего Шуньцзы закричал ещё сильнее:

— Если меня не станет, то мир перевернётся с ног на голову, да? Скоро буду. Вот же поганцы!

Шуныцзы положил трубку и сказал Суфэнь:

— Мне нужно срочно вернуться на работу, там дел невпроворот.

— Если ты уйдёшь, то что же мне тогда делать? — Суфэнь остановила Шуныцзы, намеренно прильнув лицом к его худому плечу. В одно мгновение Шуныцзы почувствовал тёплое женское дыхание. Он внезапно осознал, что из трёх его жён она была самой красивой.

Ей было около сорока, но на лице и шее почти не было морщин, кожа гладкая и бархатистая. Неудивительно, что Дадяо и все остальные, подшучивая, говорили, что он женился на молодухе. Эта женщина действительно выглядела моложе, чем он, на десять с лишним лет. Глядя в её покрасневшие от слез глаза, он трепетно прижал её к себе.

— Оставайся дома и занимайся своими делами. Не съест же она тебя.

— Нет, я боюсь, — Суфэнь ласково прижалась к нему всем телом. — Я тоже пойду на сцену и помогу тебе!

— Чем ты сможешь мне помочь? Сборка декораций — это техническая работа. В чём ты сможешь поучаствовать?

— Ай! Не самолёты же с пушками вы там собираете, что я не смогу в этом поучаствовать. Просто возьми меня с собой и всё.

Поразмыслив, Шуныцзы понял, что другого выхода нет. Сегодня очень много работы, если оставить её дома, и она опять сцепится с Цзюйхуа, то и ему будет не вырваться.

Когда Шуныцзы от безвыходности собрался взять Суфэнь с собой на сцену, хромоногая собака залилась истерическим лаем, и ему ничего не оставалось, как усадить и её тоже в кузов велорикши.

— А кто будет за ней следить, она не убежит?

— Посмотри на неё, она же хромая, сможет она убежать? А может оно и к лучшему, если и убежит, — ответил Шуныцзы.

Когда Шуньцзы привёл Суфэнь на площадку, все товарищи возликовали. Висевший на подвесе Хоуцзы засвистел и, как обычно, сострил:

— Приклеилась! Шуньцзы, ты лучше бы дома ублажал свою жёнушку. Здесь, если что, кровати то нет.

Никогда не шутивший Сяньпи вдруг тоже бухнул:

— Ай, братец, тут в углу сцены есть «императорское ложе», на котором владыку ублажали его наложницы. Братец с жёнушкой взойдут на него, а я занавес-то и прикрою. Да так, что никто ничего и не увидит. Гарантирую!

Дуньцзы от смеха уронил на пол декорационную пластину «Устремлённые к солнцу морские волны».

— Отодрать бы вас всех надо за вашу безмозглость. Что вы тут бездельничаете?! До сих пор сетка не развешана, а пластинки где? Всего пару ламп установили, зато языком чесать вы все горазды. Зачем меня звали? В чем дело?

Дадяо хотел что-то сказать, но, посмотрев на Хоуцзы, но так и не проронил ни слова.

— Все работают в поте лица, не надо слушать злые языки, — начал Хоуцзы.

Дадяо перебил оправдания Хоуцзы и стал рубить правду-матку:

— Короче, братцы недовольны. Персонал театра не послушался тебя и Цюй-туаня. На обед не было ни куриных ножек, ни крылышек. Не говорю уже о молоке. Только варёная капуста с тофу да фрикадельки из крахмала без мяса. Тебе надо поговорить с Цюй-туанем, чтобы он нас больше не дурил.

— И стоило из-за этого мне по телефону мозг выносить. Я уж было подумал конец света случился. Вы тут работать собрались или кишку набивать?

— Как же работать на пустой желудок. К тому же это не кто-нибудь другой, а сам Цюй-туань пообещал. Слово не воробей, вылетит — не поймаешь! — продолжал Дадяо.

Шуньцзы удивился. Цюй-туань был человеком слова, если что-то пообещал, значит сделает. Непонятно в чем был подвох, но звонить Цюй-туаню он не хотел, потому что чётко осознавал кто он, и кто Цюй-туань. Если лезть в бутылку, рано или поздно пришлось бы признать свою беспомощность. В Западной столице, чтобы хоть как-то заработать на установке декораций, хочешь не хочешь, а приходится зависеть от театра Циньских арий. У других театральных трупп была скудная программа, тогда как театр Циньских арий выступал почти каждый день. При этом, в самом театре было несколько рабочих коллективов, каждый из которых нуждался в декорациях. Вот где была настоящая кормушка. Как ни крути, а портить отношения с театром было совсем не с руки. Часто дружба с обслуживающим персоналом бывает гораздо полезнее, чем хорошие отношения с верхушкой. Лишившись одной куриной ножки, крылышек и пачки молока с голоду не умрёшь. А вот испортив отношения и потеряв все заказы, это действительно путь к разорению и нищете. Поэтому Шуньцзы сказал:

— Не будем мелочиться, людям на смех. Я приглашу всех на хого*. Так пойдёт?

Дадя ответил:

— Ты и так задолжал нам свадебный стол. Женился, но не налил нам выпить за счастье молодых, за новый дом.

Шуньцзы рассмеялся и тут же парировал:

— За каких молодых, за какой новый дом!? Ветхая халупа со старой мебелью и только.

Сверху подал голос Хоуцзы:

— Так не пойдёт, как-нибудь надо поподчивать своих товарищей.

— Поподчивать? А где конверты с деньгами на свадьбу? Вот выполните долг вежливости, я накрою стол на все подаренные вами деньги.

* Хого — китайский самовар (китайский способ приготовления горячих блюд из овощей, мяса и др.).

— Скупость — не порок, а образ жизни. Другие начальники устраивают вечеринки для своих подчинённых по нескольку раз в год, а жадный до мозга костей Шуньцзы будет «вошь есть и лапкой не поделится» с товарищами, — пробормотал за кулисами Саньпи.

Настоящее имя Саньпи — Ху Бо. Каждый раз, когда он получал зарплату и расписывался в ведомости, он отделял три точки в слове Бо (*кит.* «波») и писал их в форме горизонтальных линий так, что получалось два иероглифа — Сань (*кит.* «三») и Пи (*кит.* «皮»), поэтому и получил прозвище Саньпи.

Саньпи был очень скрупулёзным. При установке декораций он в основном занимался тонкой работой, мало попадался на глаза и был немногословен. Казалось, что он был человеком-невидимкой. Поэтому произнесённые им из-за кулисы слова имели особый эффект.

— Саньпи, хочешь вставить свои три копейки, выходи на сцену и говори в лицо. Это я жадный? Кто из других подчинённых осмелится не скинуться на подарок своему начальнику в канун Нового года или в какой другой праздник? Фуфел ты, сигареты и то у меня стреляешь. Стол тебе накрыть? Получи-ка ты кукиш с маслом.

— Хорошо, что Шуньцзы не стал чиновником, а то был бы жадным похлеще Хэшэня, — прокомментировал Хоуцзы.

— Хватит болтать, быстро за работу, — распорядился Шуньцзы и, взвалив на себя лампу освещения, потащил её к установочному слоту.

Пришедшая вместе с Шуньцзы Суфэнь все это время стояла у края сцены, не решаясь выйти в центр. Шуньцзы велел ей оставаться на месте и просто наблюдать за процессом. Работа была уже распределена, у каждого было своё место. Несмотря на то, что все жаловались на большую нагрузку, однако каждый труд оплачивался отдельно, и поэтому лишние рабочие руки были никому не нужны. Никто не хотел делиться своей частью пирога. Суфэнь не сиделось на месте и, увидев, что может

помочь Саньпи, пошла подвязывать занавес. Неожиданно для неё Саньпи остановил её, сказав с недовольным видом:

— Жёнушка, отдыхай, я сам справлюсь.

Поняв в чем дело, Суфэнь поспешила ответить:

— Все равно сижу без дела, помогу тебе безвозмездно.

Эти слова привели Саньпи в замешательство, и он, смущаясь, сказал:

— Я не это имел ввиду, не в деньгах дело. Ты здесь гость, походи, посмотри, а мы поработаем.

— Да ладно, мне самой интересно, — поставила точку в диалоге Суфэнь.

Все здесь было для Суфэнь в новинку. Раньше она смотрела спектакли в деревне, там атрибутика и декорации были очень простыми, совсем не то, что здесь. Казалось, что тут все было настоящим, одновременно мистическим и интересным. Она даже поймала себя на мысли, что у Шуньцзы очень хорошая работа. Каждый день можно смотреть спектакли, на площадке не приходится страдать от знойного солнца и проливного дождя. В общем, довольно неплохая работёнка.

— Цюй-туань пришёл. Шуньцзы, Цюй-туань пришёл, — прокричал на сцену Саньпи.

Цюй-туань поприветствовал Саньпи кивком головы и прошёл из-за кулис на авансцену.

— Это местный начальник, приятель Шуньцзы, — шёпотом представил Саньпи визитёра Суфэнь.

Суфэнь услышала, как кто-то ещё прокричал с авансцены:

— Шуньцзы, Цюй-туань пришёл.

— Сейчас спущусь.

Все наперебой бросились высказывать своё недовольство обедом. Когда Шуньцзы спустился со светового слота, все претензии были уже высказаны. Он не услышал ни одного слова, лишь поспешил отчитаться:

— Будь спокоен, Цюй-туань, к одиннадцати вечера и не минутой позже сцена будет передана световикам.

— Нельзя чуть пораньше? — спросил Цюй-туань.

— Не получится, все и так работают в полную силу.

Цюй-туань молча развернулся и ушёл.

Через некоторое время, неожиданно-негаданно, на площадке с угрожающим видом появился представитель художественной группы. Даже не дойдя до авансцены, он разразился грубой бранью:

— Боже мой! Шуньцзы! Кляузник ты недоделанный. Жор напал, или что? Директор только утром мне сообщил, где же тут успеть управиться? Харчи были заказаны заранее. Стандартный набор, как всегда. Шуньцзы, твою ж мать! Горазд же ты жрать! Крылышки куриные ему подавай, может тебе ещё креветок начистить? Подлюга, клейма ставить негде. Кляузничать на меня вздумал. Надоело работать, катись куда подальше. Декораторов хоть пруд пруди. Если я ещё раз позову для декорации сцены такую сволочь, как ты, то откажусь от своей фамилии Коу!

Сквернословия звали Коу Те. Он был грубым человеком как на словах, так и в делах. Пока Шуньцзы в растерянности спускался со светового слота, Коу Те уже закончил и преспокойно ушёл прочь.

Не понимая, что произошло, Шуньцзы начал расспрос. Дадяо рассказал, что говорил Хоуцзы, и как все остальные выражали своё недовольство, когда приходил Цюй-туань. Шуньцзы не сдержался и выругался:

— Ну, вы и шкуры. Мне наплевать. Не будет заказов, значит, не будет денег. Посмотрим тогда, стоило ли того ваше кишкоблудство.

Шуньцзы опять взвалил на себя очередную лампу освещения и потащил её в сторону сцены, по пути прихватив увесистый моток провода. Лестница, по которой взбирался Шуньцзы, была очень крутая, казалось, что она почти вплотную прилегала к стене. Цай Суфэнь увидела, как на половине пути Шуньцзы покачнулся и чуть не упал, но, удержав равновесие, продолжил взбираться все выше и выше. Теперь работа

декоратора уже не казалась ей такой простой. Она поняла, что это достаточно тяжёлый и опасный труд. Когда Шуньцзы взобрался так высоко, что его не стало видно, Цай Суфэнь обнаружила, что от волнения у неё вспотели ладони.

Цай Суфэнь вдруг вспомнила про хромоногую собаку. Подъехав к театру, они оставили её на улице около велорикши. Шуньцзы сказал, что с животными в театр нельзя, что псина помнит предыдущую взбучку и сама не войдёт внутрь. Цай Суфэнь стало интересно, будет ли собака послушно сидеть у велорикши и ждать. Она вышла на улицу и обнаружила, что хромоногая собака смиренно лежала на прежнем месте. Боясь, что собака замёрзнет, Шуньцзы специально поставил велорикшу на солнечное место. Заметив Цай Суфэнь, собака поднялась и завиляла хвостом. Суфэнь вспомнила, что Шуньцзы называл собаку Хаолэй. Она окликнула её по имени, и собака приветливо завиляла хвостом с ещё большей силой. Суфэнь ласково погладила её и накормила собачьим кормом, который Шуньцзы предусмотрительно оставил в кузове велорикши. Вдруг Суфэнь услышала, что на площадке снова разгорелся скандал. Долго не раздумывая, она поспешила обратно к сцене.

5

Оказывается, сквернослов Коу Те всё же попросил торговца с улицы принести в театр куриные ножки, крылышки и молоко, упакованные в две картонные коробки, которые он и бросил их в центре сцены. Пнув ногой по коробке, Коу Те ехидно заявил:

— Шуньцзы, иди жри! Это тебе, чтобы ты больше не жаловался. Ещё не видел такого гнилого декоратора, как ты.

Весь в пыли Шуньцзы спустился со светового слота, вытер пот заткнутым за пояс полотенцем и ответил:

— Начальник Коу, я вообще ничего не говорил Цюй-туаню, и в мыслях ни у кого не было доносить на тебя. Все мы — простые работяги, и дело наше живёт только благодаря тебе, начальник Коу. Разве могли мы забыть о добре и презреть долг, говоря плохое о тебе за твоей спиной. Да, было несколько крохоборов, просивших у Цюй-туаня дать им вкусно поесть и сладко попить. Я уже устроил им взбучку и собирался извиниться перед тобой лично. Надеюсь, Вы не будете опускаться до их уровня, и простите простых работяг.

— Чтоб тебя! Опять завёл старую шарманку, неблагодарный плут. Ешьте. Набьёте животы, устанавливайте декорации и катитесь ко всем чертям! Чем дальше, тем лучше! — сердито ответил начальник Коу и удалился.

Дождавшись, когда начальник Коу отойдёт подальше, сидевший на подъёмнике Хоуцзы снова запрочитал:

— Злыдень, он же просто работник по техническому оформлению, а всё туда же, думает, что он важная персона, директор трупы.

— Хоуцзы, прикрыл бы ты свой грязный рот, тебя никто за него не примет. Или деньги карманы жмут? Каждый раз, как только ты раскрываешь свою пасть, начинаются проблемы, а я потом разгребай. Быстро за работу, мы не радиостанция, нам не за слова платят.

Когда Шуньцзы поднял лампу освещения и собирался взобраться на лестницу, услышал за спиной, как Дадяо и Хоуцзы начали препираться между собой.

— Дадяо, ты себя начальником почувствовал? Да, я люблю поговорить и что? — прокричал Хоуцзы с подъёмника.

Дадяо, устанавливающий в это время рядные лампы в задние слоты, прокричал ему в ответ:

— Продолжай трепаться и наживать врагов, если ты ещё не понял, что чем больше заказов, тем больше денег заработаешь.

— Да кому нужны эти поганые деньги. Я давно хотел всё бросить, ты бы мне ещё тут не указывал.

Хоуцзы продолжал ругаться, то поднимая, то опуская подъёмник так, что шум стоял на всю площадку. Он крутился на подъёмнике, словно исполнял цирковой номер. Хоуцзы был прекрасным специалистом и выполнял высотные работы лучше всех остальных. По заработной плате он уступал только Дадяю. Именно этот факт не давал ему покоя. Дадяю начал заниматься этим ремеслом всего на год-полтора раньше, чем он, но уже строил из себя хозяина. Временами, когда Шуньцзы не было на работе, он начинал диктовать всем свои условия.

В такие моменты Хоуцзы специально снижал темп работы, нёс ерунду и смешил новичков «до колик в боку», стремясь тем самым снизить амбиции Дадяю и поставить его на место. В своём ремесле Хоуцзы признавал только авторитет Шуньцзы. Плясать под дудку кого-то другого он не собирался. Когда Дадяю, вслед за Шуньцзы, продолжал втихую критиковать его, причитая про то, что у Хоуцзы открылся словесный понос, он тут же приходил в ярость и сверху отвечал Дадяю той же монетой, затыкая ему рот.

Шуньцзы понимал, почему Хоуцзы и Дадяю ворчат друг на друга, понимал, но не обращал на это никакого внимания. Поворчат и перестанут, лишь бы это не мешало устанавливать декорации и зарабатывать деньги. Имея многолетний опыт работы, Шуньцзы вывел аксиому успеха двумя словами: усердный труд. Несмотря на то, что Шуньцзы уже разменял пятый десяток, он всегда выполнял самую тяжёлую работу, перетаскивая пятидесятикилограммовые лампы для навесного освещения. Больше всего он боялся, что его покинут силы, и он потеряет авторитет в бригаде. Чем тяжелее была его ноша, тебе больше прав голоса он имел и тем больше его слушались.

К одиннадцати часам вечера на площадке ещё царил рабочий беспорядок, но приборы освещения уже были полностью установлены. Когда появился осветитель, все лампы были включены. Шуньцзы знал о скверном характере светотехника, — если к его приходу все лампы не будут установлены на свои места,

то он просто развернётся и уйдёт. Даже Цюй-туань не сможет его остановить. Осветителя звали Дин, он был известен по всей стране. Говорят, меньше, чем за сто пятьдесят тысяч, учитывая вычет налогов, он не брался проектировать свет для спектакля. На работу у него уходило максимум три дня и две ночи. Получив оплату наличными, он тут же уходил восвояси. Во время повышенной театральной активности он мог принять сразу несколько заказов по всей стране. Сегодня вечером он был на Хайнане, а завтра уже работал в Синьцзяне. Как говорил он сам, час его работы стоит не меньше пяти тысяч. Деньги текли к нему рекой. Для Шуньцзы сто пятьдесят тысяч — это почти год работы.

Осветитель Дин был знаком с Шуньцзы, но они редко пересекались. Из-за своей занятости Дин редко бывал в театре, занимаясь проектировкой света только для больших представлений. Поэтому он не знал Шуньцзы так же хорошо, как знали его другие. Шуньцзы было трудно поймать взгляд мастера Дина. Ему всегда приходилось самому искать возможность завести с ним разговор. В работе декоратора получить похвалу от светового техника — это наивысшая награда. Конечно, Шуньцзы не лез на рожон. Искал поощрение только когда мастер находился в хорошем расположении духа и был доволен декорациями. В противном случае, если у мастера было плохое настроение, и он ни во что не ставил даже Цюй-туаня, Шуньцзы старался не высовываться. В такие моменты только Хоуцзы мог найти с ним общий язык. Казалось, что только Хоуцзы имел в глазах мастера хоть какой-то авторитет.

Похоже, мастер остался доволен проведённой сегодня вечером работой. На нём был спортивный костюм, так как он приехал на площадку сразу из спортзала. На голове у него была залысина, остатки былой роскоши виднелись только на затылке. Волосы вились и были зачёсаны вперёд, чем-то напоминающая шевелюру Бетховена. Однако его волосы из-за недосыпа редели, и с косичкой, напоминающей крысиный хвост, он стал похож, как говорил сам мастер, на лысого грифа с тонкой

шей. Его помощник шёл за ним следом, держа в одной руке жёлтую кожаную сумку, а в другой — чашку, похожую на пушечное ядро, достаточно большое, чтобы вместить целый чайник воды. Начальник Коу тоже пришёл на площадку, принеся с собой пакет с жареным арахисом. Шуньцзы знал, что у мастера Дина была привычка настраивать свет и одновременно лузгать арахис. Некоторые считали, что он подражает министру обороны Линь Бяо, но, как бы там ни было, если глубокой ночью мастер сунет руку в пакет и не обнаружит там арахиса, у него сразу пропадёт запал, и он начнёт засыпать, не поддаваясь ни на какие уговоры продолжить работу. Поэтому технарь всегда приносил с собой пакет арахиса, да такой большой, что даже после работы орехов оставалось в избытке.

Как только мастер уселся за стол, его помощник сразу разложил перед ним сценарий и схему освещения. Цюй-туань перекинулся с ним парой фраз, и инициативу взял на себя начальник Коу:

— Все со сцены, начинаем работать со светом. Не трогайте пластину, положите на место. Начинаем настраивать освещение.

Шуньцзы, увидев, что у мастера хорошее настроение, подошёл поближе и осторожно обратился к нему сказал:

— Мастер Дин, мы установили лампы в соответствии с вашей схемой. Если что-то не так, мы тут же все исправим.

Мастер проигнорировал его, продолжая листать сценарий, и Шуньцзы ничего не оставалось, как молча стоять в стороне.

Через некоторое время мастер спросил:

— Где этот, как его, худой такой...

— Вы имеете ввиду Хоуцзы? Он работает на сцене. Хоуцзы, Хоуцзы, мастер Дин зовёт тебя, — позвал Шуньцзы.

Хоуцзы вышел из-за кулис на авансцену. Свет от софитов ударил ему в глаза, и он, прикрывшись рукой, посмотрел вниз.

— Спускайся скорее, мастер Дин зовёт тебя, — повторил Шуньцзы.